

ЧИТАЛКА «ШБ»

М.В.КАРДАНОВА,
главный библиотекарь Российской Государственной
детской библиотеки, г. Москва

Рыцарская библиотека знаменитого героя Сервантеса: Опыт философско- литературной интервенции

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ: Увлечение «рыцарскими» романами уходит в прошлое. А следовало бы возродить «моду» на это чудесное чтение. *“Хоть с головой, сеньор мой Дон Кихот, / У вас от чтенья вздорных книг неладно, / Никто на свете дерзко и злорадно / В поступке низком вас не упрекнет”.* Как справедливо и трогательно это утверждение: человек, читающий «рыцарские» романы, сам становится рыцарем «без страха и упрека», самоотверженным защитником слабых. Статья Марии Васильевны Кардановой предлагает не только рассказ о библиотеке Дон Кихота, но и театрализованную сценку из романа о знаменитом идалго. Сценка печальна. Библиотека идалго сожжена. И все-таки: *“Кто говорит, что умер Дон Кихот? Он в новый отправляется поход...”*.

“Я долго принимал перо за шпагу”

Ж.-П.САРТР

“Чтение сделало Дон Кихота рыцарем”

Бернард ШОУ

“Были рыцари не хуже

Славна в свете Дон-Кихота”

А.Н.РАДИЩЕВ

Биографические источники свидетельствуют о том, что писатели являются самыми активными читателями, которые обращают своих литературных героев и их почитателей в книжную веру, раскрывающую культурологические возможности чтения. Следуя логике известной формулы капитала по Марксу (Деньги-Товар-Деньги): читатель — книга — читатель, — читателя, “прошедшего” через книгу, нельзя

полностью идентифицировать с его первоначальным состоянием, поскольку выбраться из текста без историко-смысловых нагрузок практически невозможно. Существующая внешняя и внутренняя читательская бесстрастность, интеллектуально-эмоциональная невосприимчивость литературного произведения, исключение книги из делового и досугового рациона как показатель снижения мировоззренческой роли чтения можно рассматривать и как показатель **силы притяжения новых ценностей культуры, которые в оригинальной авторской обработке способны возратить читательский интерес к литературному тексту, книге.**

Чтение, как “Суэцкий канал”, соединяет разные культуры, миры и народы в единое литературное пространство, в котором рождается и сохраняется культура самого чтения как сублимация текста в размышление и действие. Особыми возможностями в этом плане обладает “раскрепощенный” приключенческий жанр, фантастика, фэнтези и т.п., в том числе и рыцарские романы, позволяющие своим авторам и героям свободно менять обстоятельства и время действия, конструировать новые горизонты применения человеческих сил и ума, миксировать культурные традиции в новые формы техники и технологии чтения.

Мигель де Сервантес Сааведра

Приключения! Как заманчиво звучит это слово. А поиски приключений?! Еще заманчивей! “Приключение раскалывает инертную, гнетущую нас реальность, словно кусок стекла. Это все непредсказуемое, невероятное, новое. Всякое приключение — новое сотворение мира, уникальный процесс. И как не быть ему интересным?” /1/.

Но искатели их, даже благородные рыцари (бесполезная в глазах благонамеренного общества мечтающая публика, фантазеры, гонящиеся за миражами, призраками давно прошедшего или неведомого будущего), достойны, по мнению этого общества, осуждения, по крайней мере, сатиры, как и книги, прославляющие их деяния.

Но, как ни странно, а может быть, напротив, — естественно, сами герои, реальные и книжные, утратившие иллюзии, согласны с критической рефлексией, оставаясь до конца рыцарями. **“Хоть с головой, сеньор мой Дон Кихот, /У вас от чтения вздорных книг неладно, /Никто на свете дерзко и злорадно /В поступке низком вас не упрекнет” /2/.**

Появившись впервые в Англии, рыцарские романы, восходящие “к тому же мифотворчеству, которое вариантно досталось по наследию и античности” /3/ через Францию проникли в XIV веке в Испанию, где нашли для себя необыкновенно благоприятную почву. “В Испании быстро возникло множество рыцарских романов. Романы эти повествовали о небывалых подвигах сказочных героев и вскоре распростирались по всему миру, за-

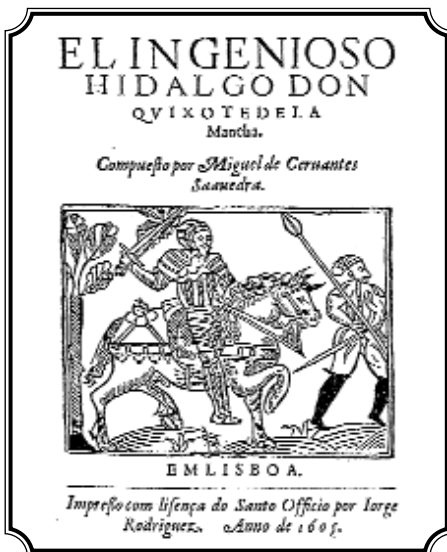
тмив собой славу произведений, служивших им образцами”. /4/. “Британию до звезд во время оно / Отвага Амадиса вознесла, / Его сынами греки знамениты; / Но днесь Кихот введен во храм Беллоны, / И гордая Ламанча превзошла / Владенья грека и отчизну бритта.” /5/.

Особенно они размножились и усердно читались в XVI, “золотом веке Испании”. “Всюду гремела слава ее оружия, пышно расцветала ее блестящая литература, и изящные искусства находили здесь богатую почву для успешного развития”. /6/. “Привилегированная страна рыцарства” стала родиной писателя — Мигеля де Сервантеса

Сааведра (1547-1616), автора последнего, по мнению историка испанской литературы XIX века американца Джорджа Тикнора (1791-1871), рыцарского романа “Дон Кихот” (1605), затмившего собой все предшествующие образы и книги и прервавшего, как ему казалось, их литературный род. /7/. Последнее, по мнению литературной критики, составляло главную задачу автора романа.

Рыцарь против рыцаря. Потомок славных фамилий Сервантес и Сааведра, насчитывавших несколько столетий рыцарства и общественной службы, шаржирует своего любимого героя — идальго Дон Кихота, читателя, мечтателя, странника, точнее, предмет его и собственного страстного увлечения — рыцарские романы. Их очень много. Они заполняют всю его библиотеку, над которой вершат суд близкие ему люди — священник в ученом звании лиценциата /8/, ключница-экономка, племянница и цирюльник. Они едино-

душны в своем карательном намерении: ведь именно романы служат источником постоянного беспокойства их друга, родственника и хозяйна, а, следовательно, и их самих. Более того, — самих сложившихся общественных устоев, которые переживают не лучшие времена: “И словно отзвук костер во дворе дома Дон Кихота, в такой забавной, казалось бы, на первый взгляд, сцене”. /9/. Смех, ирония соревнуются здесь со слезами. А может быть, автор через своего героя соревнуется со временем, в котором униженные и оскорбленные не могут быть защищены ни покров-

Титульный лист одного из первых изданий романа М. де Сервантеса “Дон Кихот”. 1605. г. Лиссабон

вительство странствующих рыцарей, ни силой государственных законов и учреждений. “Сервантес, ты глубоко постигаешь / Сердца людские, если даруешь разом / Приятное с пристойным и расказом / Своим и души и тела питаешь”. /10/

Воспользуемся литературной интервенцией и озвучим соответствующий фрагмент текста романа /11/:

Ведущий: Вот она — тихая, залитая солнцем область Кастилия-ла-Манча, в самом центре Испании, к югу от Мадрида. Именно здесь странствовал «Рыцарь Печального Образа» Дон Кихот, чьи приключения описаны в книге Сервантеса. А вот и его дом в одном из селений Ламанчи, каждое из которых претендует на то, что именно в нем родился всемирно известный литературный герой. На втором этаже дома располагается его библиотека, где собраны все рыцарские романы, которые удалось собрать герою Сервантеса и которые стоили ему нескольких десятин пахотной земли. Сейчас в нем собрались близкие ему люди. Слышится громкий голос ключницы, разговаривающей с двумя ближайшими друзьями рыцаря, священником и цирюльником:

Ключница: Что вы скажете, сеньор лицензиат, Перо Перес, о злосудии моего господина? Вот уже три дня, как исчезли и он, и лошадь, и щит, и копье, и доспехи. Начитался он этих проклятых рыцарских книжек, вот они и свели его с ума.

Племянница: Знаете, сеньор мастер Николас, дядюшке моему не раз случалось двое суток подряд читать скверные эти романы злосудий. Вы бы сожгли все эти богомерзкие книги, ведь у него пропасть таких, которые давно пора, все равно как писания еретиков, бросить в костер.

Цирюльник: Признаюсь, сеньор священник, я совершенно уверен, что так называемые рыцарские романы приносят государству вред. Они напичканы чудовищными нелепостями.

Лицензиат: Я тоже так думаю. Кто, кроме умов неразвитых и грубых, получит удовольствие, читая об этих пресловутых рыцарях, сражениях и схватках с великанами и исполинами, волшебниками и чародеями...

Цирюльник: Вот, вот. А еще, — авторы описывают битвы, где они с легкостью громят гигантские армии противника.

Лицензиат: Авторы рыцарских романов заслуживают особого порицания, ибо они не сообразуются со здравым смыслом и не подчиняются правилам искусства. По этой причине они подлежат изгнанию из христианского государства наравне с людьми бесполезными.

Цирюльник: Выходит так.

Лицензиат: Даю вам слово, что завтра же мы устроим аутодафе и предадим их огню, дабы

впредь не подбивали они читателей на такие дела, какие, по-видимому, творит сейчас добрый мой друг.

Ведущий: Этот разговор слышит Дон Кихот, который возвращается из своего первого путешествия:

Идальго: Может статья, ваши милости знают толк и разбираются в том, что такое странствующее рыцарство? Сдается мне, что вы хотите уверить меня, будто странствующих рыцарей никогда не было, будто рыцарские романы — сплошная выдумка, а для государства они бесполезны и даже вредны.

Лицензиат: Дорогой друг, вы совершенно верно поняли нашу мысль.

Идальго: Ваши милости уверены, конечно, что эти романы принесли мне большой вред, из-за них я сошел с ума, и что мне пора исправиться, переменить род чтения и приняться за другие книги, более правдивые и поучительные.

Лицензиат: Так и есть.

Идальго: Я же, со своей стороны, полагаю, что у того, кто их отрицает, нет ни разума, ни здравого смысла. Искавшие приключений рыцари существовали и существуют. Я — один из них, странствующий рыцарь, я храбр, любезен, щедр, благовоспитан, терпеливо сношу и плен, и тяготы, и колдовство, и кто знает, сколько беззаконий предстоит мне устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных защитить...

Лицензиат: Сеньор, успокойтесь. Подумайте о своем здоровье, так как мне кажется, что вы, если не ранены, то, уж наверное, крайне утомлены.

Идальго: “Мой наряд — мои доспехи, в лютой битве — мой покой...” Нет, я не ранен, но действительно порядком избит и помят: этот незаконнорожденный, дон Рольдан /12/ избил меня стволем дуба; а все из зависти: ведь он видит, что я единственный его соперник в рыцарских делах.

Цирюльник: Сеньор, честное слово, годы ваши не те.

Идальго: Полно, друзья. Я сам знаю, как мне надлежит поступить. А пока принесите мне позавтракать, потому что я сейчас больше всего нуждаюсь в подкреплении, а отомстить ему — это уж мое дело.

Ведущий: Так они и сделали: принесли ему поесть, после чего он снова заснул, а они еще раз подивились его безумию. Уложив рыцаря в кровать, все направляются в его библиотеку, причину домашних несчастий, где обнаруживают более ста книг в добротных переплетах, а также другие книги, менее внушительных размеров. Ключница входит в комнату с чашкой святой воды и кропилом.

Ключница: Возьмите-ка это, сеньор лиценциат, и окропите комнату, а то еще явится один из волшебников, которыми переполнены эти книги, и очарует нас в отместку за то, что мы собираемся посрамить всю его братию и сжить его со света.

Ведущий: Лиценциат смеется и просит цирюльника передавать ему книги, чтобы выяснить, о чем в них говорится: ведь может случиться, что некоторые из них и не заслуживают казни огнем.

Племянница и экономка: Нет, нет, ни одна из них не стоит помилования: все они повинны в нашей беде.

Ведущий: Священник не соглашается с ними и желает сначала прочесть хотя бы заглавия книг. Первою, которую мастер Николас ему вручает, оказывается “История Амадиса Галльского” Гарсии Родригеса Монтальво /13/, в которой повествуется о жизни и славных деяниях рыцаря Амадиса, внебрачного сына Периона, короля Галльского (Уэльского), совершившего множество подвигов и приключений самого фантастического характера. Роман об Амадисе пользовался большим успехом и вызвал огромное число подражаний — “Пальмерин Английский”, “Бельянис Греческий” и т.п. /14/.

Лиценциат: Я вижу в этом перст судьбы, ибо я слышал, что это — первый рыцарский роман, отпечатанный в Испании. Посему я полагаю, что мы должны его без всякой жалости осудить на сожжение, как главу всей этой зловердной секты.

Цирюльник: Нет, сеньор, а я слышал, что этот роман — лучшее произведение из всех, которые когда-либо были написаны в этом роде, и потому он, как исключение, заслуживает пощады.

Лиценциат: Да, вы правы, примем это во внимание и временно даруем ему жизнь. А что стоит с ним рядом?

Ведущий: Далее персонажи продолжают просматривать книги, обсуждая вопрос о том, можно ли что-нибудь из библиотеки идадьго не предавать сожжению.

Цирюльник: “Подвиги Эспландиана”, законного сына Амадиса Галльского.

Лиценциат: Заслуги отца не спасают сына. Возьмите-ка его, сеньора ключница, и выбросьте во двор: он послужит основанием готовящемуся костру.

Ключница: Повинуюсь с величайшим удовольствием.

Ведущий: Роман “Подвиги весьма добродетельного рыцаря Эспландиана, сына Амадиса Галльского”, летит во двор, чтобы там дожидаться грозящего ему сожжения.

Лиценциат: Ну, дальше.

Цирюльник: Следующий за ним — “Амадис Греческий”, и мне кажется, что все книги на этой полке из племени Амадиса.

Лиценциат: Во двор, во двор. Мне до того хочется сжечь королеву Пинтикинестру, пастушка Даринеля с его эклогами /15/ и всю чертовски напыщенную галима-

тью этого автора, что, если бы мой отец принял образ странствующего рыцаря, я бы и его сжег вместе с ними.

Цирюльник: И я того же мнения.

Племянница: И я.

Ключница: Во двор их всех.

Лиценциат: А это что за “бочка”?

Цирюльник: Это — “Дон Оливанте де Лаура”.

Ведущий: Полное название этого романа Антонио де Торкемады — “Повествование о непобедимом рыцаре Оливанте Лаврском, принце Македонском, ставшем, благодаря чудесным своим подвигам, императором константинопольским”.

Лиценциат: Эта книга тоже отправится во двор, как сочинение сумасбродное и наглое.

Цирюльник: Далее идет “Флорисманте Гирканский”.

Ведущий: В руках священника оказывается “Первая часть великой истории о преславном и могучем рыцаре Флорисманте Гирканском” Мельчора Ортего.

Лиценциат: А, вот вы где, сеньор Флорисманте! Честное слово, он тоже полетит во двор, несмотря на свое странное рождение и удивительные приключения. Во двор его, сеньора ключница, во двор.

Ключница: С удовольствием, сеньор.

Цирюльник: А вот “Рыцарь Платир”. Это — старая книга, и ничего в ней нет такого, что заслуживало бы помилования.

Ведущий: “Летопись деяний весьма отважного и могучего рыцаря Платира, сына императора Прималеона” отправляется вместе с прочими. Затем они раскрывают следующую книгу и читают заглавие: “Рыцарь креста”.

Лиценциат: Ради святого заглавия этой книги можно было бы простить невежество ее автора. Однако недаром говорится: “за крестом-то чертяки и водятся”. В огонь его.

Ведущий: “Летопись деяний Леполемо, прозванного Рыцарем Креста, сына императора германского, написанная на арабском языке и переведенная на испанский занимает свое место в печальной очереди.

Цирюльник: А вот “Зерцало рыцарства”.

Ведущий: В руки лиценциата переходит роман под названием “Первая, вторая и третья части Влюбленного Роланда. Зерцало рыцарства, в коем повествуется о деяниях графа Роланда и могучего рыцаря Ринальдо Монтавальского и многих других именитых рыцарей”.

Лиценциат: Знаю я его милость. Там разгуливают сеньор Ринальдо Монтальбанский со своими друзьями и приятелями и двенадцать пэров. /16/ Поистине я бы осудил всего лишь на бессрочную ссылку, ибо ими воспользовался в своем произведении знаменитый Маттео Боярдо, автор неоконченной поэмы “Влюбленный Роланд”, где начата история любви Роланда к Анджелике.

Цирюльник: У меня он есть по-итальянски, но только я ничего в нем не понимаю.

Лиценциат: Да вам и не следует его понимать. С этой книгой, как и со всеми другими о Франции, я предлагаю поступить так: сложить их на дне высохшего колодца и хранить там, пока мы не надумаем, что нам с ними делать.

Священник: Что там дальше?

Цирюльник: Вот, сеньор лиценциат, “Пальмерин из Оливы” и рядом с ним — “Пальмерин Английский”.

Ведущий: Роман и его продолжение под названием “Книга о могучем рыцаре Пальмерине Оливском” вышел в свет в 1511 году.

Лицензиат: “Оливку” эту нужно сейчас же изничтожить и сжечь, так, чтобы и пепла от нее не осталось; а английскую пальму сохранить как драгоценность и сделать из нее ларец, какой был найден Александром среди сокровищ Дария и назначен им для хранения поэм Гомера. Все приключения в замке Мирагварда превосходны и искусно придуманы, стиль — изящный и ясный, а речи умело и со вкусом приспособлены к характеру и положению говорящих. Сеньор мастер Николас, этот роман и “Амадис Галльский” могут избежать костра, а остальные не стоят и просматривать: пускай все погибнут.

Цирюльник: Нет, сеньор, а этот знаменитый “Дон Бельянис”, что у меня в руках?

Лицензиат: Ну, этому следовало бы дать порцию ревеня, чтобы очистить от избытка желчи. Так и быть, дадим ему судебную отсрочку. А пока, любезный друг, заберите-ка его к себе домой, только никому читать не давайте.

Цирюльник: С большим удовольствием.

Ведущий: Не желая больше обременять себя просмотром рыцарских романов, он велит экономке забрать все большие книги и выкинуть во двор. Та хватает в охапку штук восемь томов и выбрасывает в окно. Одна из книг падает к ногам цирюльника, и он читает...

Цирюльник: “История знаменитого рыцаря Тиранта Белого”.

Ведущий: Инспекции подвергается каталонский рыцарский роман, “Могучий и непобедимый рыцарь Тирант Белый, в пяти частях”.

Лицензиат: Как, неужели здесь “Тирант Белый”? Дайте мне его скорей, любезный друг: будьте уверены, что перед вами сокровищница удовольствий и целые залежи развлечений. Там изображаются дон Киризеясон (“господи помилуй”) Монтальванский, доблестный рыцарь, его брат Томас Монтальванский и рыцарь Фонсека; там рассказывается о бое отважного Тиранта с догом, о хитростях девицы Пласердемавиды (“утеха моей жизни”), о шашнях и интригах вдовы Репосады (“ублажающая”), о сеньоре императрице, влюбленной в своего конюха Ипполита. /17/. Возьмите эту книгу и прочтите.

Цирюльник: Я так и сделаю.

Лицензиат: И тем не менее, говорю вам, автор заслуживает того, чтобы закончить дни свои на галерах, так как всю эту ахинею он написал по глупости.

Цирюльник: А как же мы поступим с оставшимися маленькими книжками?

Лицензиат: Это не рыцарские романы, а, вероятно, книги со стихами. Вот “Диана” Хорхе Монтемайора. Вероятно, все остальные в таком же роде. Они не заслуживают сожжения. Это просто занимательное и нисколько не вредное чтение.

Ведущий: Роман португальца Хорхе де Монтемайора (1520-1561) “Диана” оказал большое влияние на развитие пасторального /18/ жанра в Испании.

Племянница: Ах, сеньор, вашей милости следовало бы бросить их в огонь вместе с остальными; ведь может случиться, что сеньор мой дядя, вылечившись от своей рыцарской болезни, начнет читать стихи, и ему вздумается сделаться пастушком и отправиться бродить по рощам и полям, наигрывая на свирели и напевая, а не то и

сам станет поэтом, что еще хуже, ибо, по слухам, болезнь эта неизлечима и прилипчива.

Лицензиат: Девица говорит дело. Разумнее будет убраться с дороги нашего друга эту новую опасность и соблазн. Я полагаю следующее: сжигать ее не надо, но следует выкинуть из нее все, что относится к волшебству: и тогда, в добрый час, останется при ней ее проза и заслуга быть первой из всех подобных ей книг.

Цирюльник: Дальше идет так называемая “Вторая Диана”, сочиненная Саламантинцем...

Ведущий: ...Подражание “Диане” Монтемайора, автором ее был саламанкский врач Алонсо Перес.

Цирюльник: А вот еще одна, произведение Хиля Поло...

Лицензиат: Что ж, пускай “Диана” Саламантинца последует за другими и увеличит собой число обреченных на сожжение. А “Диану” Хиля Поло /19/ мы сохраним, как если бы она была сочинена самим Аполлоном. Ну, давайте дальше, сеньор кум, нам нужно торопиться, а то уже время позднее.

Цирюльник: Вот “Десять книг Счастья Любви”, написанные сардинским поэтом Антонио де Лофрасо.

Лицензиат: Поверьте моему духовному сану, с тех пор как Аполлон зовется Аполлоном, музы Музами, а поэты поэтами, более забавной и нелепой книги еще не было написано. Дайте-ка его сюда, любезный друг.

Цирюльник: Далее следуют: “Иберийский пастух”, “Энаресские нимфы” и “Средство против ревности”. /20/.

Лицензиат: Нечего с ними возиться, отдадим их в руки светской власти, экономке; и не спрашивайте меня — почему, не то мы никогда не кончим.

Цирюльник: Вот “Пастух Филиды”.

Лицензиат: Он вовсе не пастух, а тонкий столичный житель. Сохраним его как драгоценность.

Цирюльник: Этот толстый том озаглавлен: “Сокровищница разных стихотворений”.

Ведущий: В его руках оказывается сборник стихов испанского поэта Педро де Падилья, автора “Пастушеских эклог” и составителя известной поэтической антологии “Сад духовный”.

Лицензиат: Было бы их поменьше, так мы бы их больше ценили. Помилуем ее, ибо автор — мой друг, и другие его произведения более возвышенны и героичны.

Цирюльник: Вот “Сборник стихов” Лопеса Мальдонадо /21/.

Лицензиат: Этот автор — тоже мой друг, и когда он сам читает свои стихи, все от них в восхищении. Присоединим его к избранникам. А это что за книжка стоит рядом с ним?

Цирюльник: Это “Галатея” Мигеля де Сервантеса.

Лицензиат: Много лет уже я дружен с этим Сервантесом и знаю, что у него больше опыта в несчастьях, чем в стихах. В его книге есть выдумка, в ней кое-что начато, но ничего не закончено. Подержите ее в заточении, сеньор.

Цирюльник: С удовольствием. А вот еще три книжки: “Араукана” дон Алонсо де Эрсильи, “Аустриада” Хуана Руфо, судьи из Кордовы, и “Монсеррат” Кристобала де Вируэса, валенсианского поэта.

Лицензиат: Эти три книги — лучшее из всего, что было написано героическим стихом на испанском языке: они не уступят самым знаменитым итальянским поэмам. Сохраните их как драгоценнейшие сокровища испанской поэзии.

Цирюльник: Непременно.

Лицензиат: Ох, и утомился же я. Предлагаю все оставшиеся книги сжечь без всякого разбора.

Цирюльник: Подождите, сеньор. Вот один томик, озаглавленный “Слезы Анджелики”.

Ведущий: Священник листает поэму испанского поэта Луиса Бараона де Сото (1548-1595) на сюжет, заимствованный из “Неистового Роланда” Ариосто.

Лицензиат: Да, я бы прослезился вместе с ней, если бы такую книжку велел бросить в огонь. Автор ее — один из самых знаменитых поэтов не только Испании, но всего мира: он с большим искусством перевел несколько сказаний Овидия.

Ведущий: В ту же ночь все книги, бывшие во дворе и в доме, были сожжены, а дверь в библиотеку замурована.

Лицензиат: Вот и все. Да поможет нам Бог.

Цирюльник: Вот увидите, ваша милость, в один прекрасный день приятель наш снова даст тягу.

Лицензиат: Не сомневаюсь, но мы будем на страже: посмотрим, к чему приведет вся эта цепь рыцарских сумасбродств.

Ведущий: Луна заглядывает в окно спальни дон Кихота. Она как бы говорит: “И это жизнь? Повторяющийся, замкнутый круг, вечно один и тот же? Только и всего?”

Идальго: Сюда, сюда, отважные рыцари. Пришло время показать силу ваших могучих рук.

Ведущий: Дон Кихот уже поднялся с постели, кричит, бушует и наотмашь рубит и колет во все стороны.

Племянница: Что это значит, дядюшка? Мы были уверены, что вы возвратились домой навсегда и собираетесь вести мирный и достойный образ жизни.

Ключница: Оставайтесь дома, сеньор! Займитесь хозяйством, почаще исповедуйтесь, помогайте бедным, и если это не пойдет вам на пользу, то грех будет на моей душе.

Ведущий: Дон Кихот их не слушает, встает и отправляется посмотреть на свои книги. Не находя помещения, где они раньше стояли, он бродит по дому и заглядывает во все комнаты.

Идальго: Где моя библиотека?

Ключница: Библиотека? Что это вы такое ищите, ваша милость? Никакой библиотеки, никаких книг нет: сам дьявол все это унес.

Племянница: И не дьявол вовсе, а волшебник: прилетел он однажды на облаке, вошел в библиотеку, а спустя некоторое время дом наполнился дымом.

Ключница: Когда мы решились посмотреть, что он натворил, то уж не было ни книг, ни комнаты.

Племянница: Когда этот злой старик улетел, он крикнул громким голосом, что из тайной враж-

ды к хозяину книг он причинил ему большой урон.

Ключница: Он еще прибавил, что зовут его Муньятон.

Идальго: Не Муньятон, а Фрестон.

Ключница: Уж я не знаю, — Фрестон или Фритон, — только помню, что его имя кончалось на тон.

Идальго: Это один мудрый волшебник и заклятый мой враг. Он меня ненавидит, ибо с помощью своих магических книг и колдовства он узнал, что наступит время и я одержу победу над рыцарем, которому он благоволит.

Племянница: Да кто ж в этом сомневается? Но, ваша милость, сеньор дядя, кто велит вам лезть во все эти драки? Не лучше ль сидеть спокойно дома, чем бродить по свету в поисках птичьего молока? Ведь вы знаете: бывает, собираешься обстричь овцу, смотришь — тебя самого обстригли.

Идальго: Ах, племянница, плохо же ты это дело понимаешь! Да прежде чем меня обстригут, я сам выщиплю и вырву бороды у всех, кто только посмеет тронуть кончик одного моего волоса.

Ведущий: После этого разговора дон Кихот целых две недели сидел спокойно дома, часто беседуя с двумя своими приятелями — священником и цирюльником, мастером Николасом, — насчет того, что мир ни в чем так не нуждается, как в странствующих рыцарях, и что в его лице странствующее рыцарство должно воскреснуть. Но однажды ночью он тайком выехал из села и двинулся по той же дороге, по какой ехал прошлый раз, по Монтельской равнине, навстречу новым приключениям.

Прощаясь с читателем и со своим героем во второй, финальной части истории о хитроумном идальго, Сервантес говорит о том, что у него “ино-го желания не было, кроме того, чтобы внушить людям отвращение к вымышленным и нелепым историям, описываемым в рыцарских романах”. /22/. Но не тут-то было. Авантюрно-приключенческий поиск смысла жизни в жанре рыцарских романов (и не только в них) не закончился с кончиной главного героя. **И, вообще, “Кто говорит, что умер Дон Кихот? / Вы этому, пожалуйста, не верьте; / Он не подвластен времени и смерти, / Он в новый собирается поход”. /23/.**

Дон Кихот отправляется в Англию, Францию, Россию, Америку, переодевается в женское платье, меняет своего литературного отца, встречается с Гамлетом, князем Мышкиным, госпожой Бовари, путешествует по морю, по суше, продолжает быть рыцарем, не нося знаков рыцарского достоинства.

Мы можем увидеть его в герое комедии Генри Филдинга “Дон Кихот в Англии” (1734) и в романе Грэма Грина “Монсиньор Кихот” (1982), в мистере Пиквике из “Записок Пиквикского клуба” (1836)

Чарльза Диккенса, и в “Тартарене из Тараскона” (1872) Альфонса Додде. Из многочисленных произведений XX века особенно выделяется новелла Хорхе Луиса Борхеса “Пьер Менар, автор “Дон Кихота” (1939). /24/.

Рыцарская культура XI-XIII вв., феодальная иерархия и система ценностей; средневековый замок; крестовые походы и их роль в развитии рыцарской и мировой культуры; формирование понятия “рыцарь” в его современном значении, — Рыцарское Средневековье, как Всевековье, глядит на нас со страниц Вальтера Скотта и Райдера Хаггарда, Конан Дойля и Александра Дюма, Умберто Эко, Генрика Сенкевича, Джона Толкиена, Джоан Ролинг и других, не менее известных авторов, очарованных Книгой и рыцарской темой.

Современные литературные герои, с которыми часто идентифицируются читатели, могут быть совсем непохожи на своего собрата — “рыцаря без страха и упрека”: люди и маги, взрослые и дети, обычные и переодетые в сверкающие доспехи или ультрасовременные космические комбинезоны и скафандры (О. Ларионова “Чакра Кентавра”, Е.Хаецкая “Меч и Радуга”, М.Семенова “Волкодав” и др.) или в костюмы тех, кто “поработал” и пиратом, и наемником” (Танит Ли “Пиратика”) /25/, они живут по законам рыцарской чести и доблести в конфликте с миром потребительства и накопительства, лицемерия и ханжества, продлевая жизнь очеловеченного мирового духа, и занимают места на книжных полках новых читателей-рыцарей. **“Кто**

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ортега-и-Гассет Хосе. Эстетика. Философия культуры. — М.: Искусство, 1991. — 588 с. — С. 128.

2. Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2-х ч. — Алма-Ата: Мектеп, 1988.—4.Л—432с.—С.16.

3. Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра, <http://frejdenberg-o.viv.ru/cont/poetika/95.html>

4. Цомакион А.И. Сервантес: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. //Сервантес. Шекспир. Ж.-Ж. Руссо. И.-В. Гете. Карлейль: Биографические повествования / Сост. Н.Ф.Болдырева. — Челябинск: Урал LTD, 1998. — 512 с. — С.68

5. Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2-х ч. — Алма-Ата: Мектеп, 1988. 4.1.— 432с.— С.400.

6. Цомакион А.И. Сервантес: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. // Сервантес. Шекспир. Ж.-Ж. Руссо. И.-В. Гете. Карлейль: Биографические повествования / Сост. Н.Ф.Болдырева. —Челябинск: Урал LTD, 1998. — 512 с. — С.65.

7. Там же. С.70

8. Лицензиат — ученое звание между магистром и доктором.

9. От составителя //Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / Сост. В.А. Эльвова. — М.: Книга, 1985. — 255 с. — С.8.

10. Читателям. Посвятительные стихи. Хуан де Солис Мехия, столичный дворянин. // Мигель де Сервантес. Назидательные новеллы. — М.: Художественная литература, 1982.— 319 с.— С. 16.

11. Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2-х ч. — Алма-Ата: Мектеп, 1988.— 4.1. — 432 с.— Гл. 5,6,7.

12. Рольдан — народная испанская форма имени Роланд, героя средневекового французского эпоса — “Песнь о Роланде”.

13. Монтальво Гарсия Родригес — испанский писатель XVI века, автор и переводчик популярных рыцарских романов.

14. Роман о “Пальмерине Английском”, написанный португальцем Мораэсом Кабралем в 1544, был вскоре переведен на испанский язык и сделался любимейшим после “Амадиса” рыцарским романом, как и “Бельянис Греческий”.

15. Фелисиано де Сильва — испанский писатель XVI века, автор популярных рыцарских романов, в том числе “Амадис Греческий”. Перечисляются персонажи романа. Эклога — стихотворение в форме диалога между пастухами.

16. Рейнальдо Монтальбальский — один из двенадцати пэров Франции, персонаж Торквато Тассо (1544-1595) — итальянского поэта, автора поэмы “Освобожденный Иерусалим”; “Влюбленного Роланда” Маттео Боярдо (1434-1494) и “неистового Роланда” Лодовико Ариосто (1474-1533).

Двенадцать пэров Франции — крупнейшие феодальные сеньоры, изображенные как лучшие бойцы Карла Великого в “Песне о Роланде” и других средневековых героических поэмах и рыцарских романах.

17. В буквальном переводе дается ряд полушуточных, аллегорических имен.

18. Пастораль — фр., букв, пастушеский.

19. Поло Гаспар Хиль (1529 — 1591) — испанский писатель. Автор романа в стихах и прозе “Влюбленная Диана”.

20. Здесь и далее дается перечень сборников лирических стихотворений и поэм разных авторов XVI века.

21. Лопес Мальдонадо Габриэль — испанский поэт XVI века, автор романсов и эпиграмм.

22. Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский: В 2-х ч. — Алма-Ата: Мектеп, 1988.— 4.2.— 464с.— С.435.

23. Юлия Друнина: “Кто говорит, что умер Дон Кихот?” http://www.donquixote.ru/texts/drunina_don_quixote.html

24. Истоки и литературная история. Дон Кихот. http://old.sgu.ru/win/math_econom/lab_me/archetype/PageRus/Lesson03/LesCont.htm

25. Фэнтези. <http://krugQsvet.ru/articles/112/1011270/1011270a2.htm>